

Васильева Светлана Леонидовна

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДА И ТЕОРИИ СИСТЕМОМЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. П. ЩЕДРОВИЦКОГО ДЛЯ ОПИСАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XX ВЕКА

Статья посвящена системному анализу политического дискурса с позиций герменевтического подхода и теории системомыследеятельности Г. П. Щедровицкого. Автор представляет методику анализа дискурса, ориентированную на выделение универсальных смысловых конструктов, вращающихся в едином пространстве политического дискурса XX века и образующих определенную иерархию отношений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/1-2/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. II. С. 64-70. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Таким образом, метафорическое смыслопостроение в политическом дискурсе связано с выстраиванием целой системы метафорических смыслов, рекуррентно воспроизводящихся в текстах политической коммуникации, которые образуют единое смысловое поле, в рамках которого функционируют общие и частные смыслы, отражающие архитипические представления или выступающие как непосредственно создаваемые или воссоздаваемые в соответствии с текущей ситуацией действительности смысловые конструкторы.

Список литературы

1. **Богин Г. И.** Субстанциальная сторона понимания. Тверь: Изд-во Тверского госуниверситета, 1993. 137 с.
2. **Васильева С. Л.** Функциональный аспект метафоризации в политическом дискурсе // Гуманитарные науки в контексте международного сотрудничества: материалы докладов Международной научной конференции 19-20 апреля 2005 г. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2005. С. 62-72.
3. **Крюкова Н. Ф.** Средства метафоризации и понимание текста. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 128 с.
4. **Молотов В. М.** Речь на XXVII съезде ВКП(б) 26 января 1934 г. [Электронный ресурс]: доклад, прочитанный 26.01.1934 на заседании XXVII съезда ВКП(б). URL: <http://17.by.ru/index.htm>
5. **Gaule Ch. de** Une Nouvelle Déclaration // Le Monde. Octobre 11. 1946. 3ème Année. № 561.
6. **Johnson L.** The great society [Электронный ресурс]: доклад, прочитанный 22.05.1964. URL: <http://library.nstu.ru/InfoUSA/facts/speeches/rhetoric/archive.htm>
7. **Reagan R.** Acceptance of the republican nomination for president. [Электронный ресурс]: доклад, прочитанный 17.07.1980. URL: <http://library.nstu.ru/InfoUSA/facts/speeches/rhetoric/archive.htm>
8. **Roosevelt T.** The new nationalism [Электронный ресурс]: выступление в Канзасе 31.08.1910. URL: <http://library.nstu.ru/InfoUSA/facts/speeches/rhetoric/archive.htm>

**METAPHORICAL SENSE FORMATION IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE XXTH CENTURY
(ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN, ENGLISH AND FRENCH LANGUAGES)**

Svetlana Leonidovna Vasilyeva

*Department of Linguistics and Translation Theory
National Research Tomsk Polytechnic University
tutok@mail.ru*

The article is devoted to the problem of the systematic approach to the description of the political discourse of the XXth century from the point of view of Tver hermeneutic school. Political discourse is considered as the hierarchically organized metaphorical system of senses revealed with the help of appealing to the metaphorization as the means of sense formation and sense discretion.

Key words and phrases: political discourse; hermeneutics; metaphorization; sense formation means; sense.

УДК 801.73

Статья посвящена системному анализу политического дискурса с позиций герменевтического подхода и теории системомыследеятельности Г. П. Щедровицкого. Автор представляет методику анализа дискурса, ориентированную на выделение универсальных смысловых конструкторов, вращающихся в едином пространстве политического дискурса XX века и образующих определенную иерархию отношений.

Ключевые слова и фразы: герменевтика; системомыследеятельностный подход; смысл; метафоризация.

Светлана Леонидовна Васильева

*Кафедра лингвистики и переводоведения
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
tutok@mail.ru*

**ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДА
И ТЕОРИИ СИСТЕМОМЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. П. ЩЕДРОВИЦКОГО
ДЛЯ ОПИСАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XX ВЕКА[©]**

Политический дискурс как особая институциональная форма общения составляет предмет интереса различных научных направлений. При этом специфика исследовательской позиции и цель изучения политического дискурса определяют своеобразие понимания сущности политической коммуникации и направление ее рассмотрения.

Так, политический дискурс изучается в рамках политической философии и психологии, лингвистической прагматики в сфере критического анализа, связанного с изучением выраженного в языке социального неравенства, когнитивной лингвистики, психолингвистики, семиотики и т.п.

Политический дискурс при этом понимается как средство идеологического воздействия, как подсистема национального языка или особый подязык профессионального общения, как способ конституирования социальных отношений, как знаковая и/или символическая система, как порождение особого политического пространства в совокупности его экстралингвистических факторов, влияющих на содержание политической коммуникации и т.д.

В рамках данной статьи предпринимается попытка представить альтернативный подход к описанию политического дискурса с позиций тверской герменевтической школы [1; 2; 3; 4; 5; 8; 9] и системомыследеятельностной методологии Г. П. Щедровицкого. В рамках нашего подхода предполагается представить возможности системного анализа политического дискурса XX века как единого смыслового пространства, характеризующегося единством целеполагания и спецификой обращения и превращения смысловых конструктов различной степени абстракции. Принимая во внимание ограниченность данной статьи, на данный момент описанию подлежат сама методика исследования, одновременно с ее предпосылками, включая определение основных терминов, и результатами (Табл. 1).

Итак, что касается самого понятия политического дискурса, то для его определения необходимо принимать во внимание следующие моменты:

1) нормативную ограниченность и индивидуальное своеобразие речевых произведений, составляющих тексты политического дискурса;

2) обусловленность содержания политической коммуникации общекоммуникативным пространством, оказывающим влияние на актуализацию культурно значимых концептов и стереотипов мышления в политическом дискурсе;

3) креативность и конституирующий характер политической коммуникации, важным свойством которой полагается возможность конструирования специфической языковой реальности с точки зрения реализации целевых установок субъектов власти;

4) компилятивность политического дискурса, связанную с объединением в рамках дискурса отдельных речевых произведений или текстовых фрагментов, принадлежащих субъектам власти, на основе единства содержания, сферы функционирования и специфики институциональности.

Вследствие учета данных критериев мы приходим к определению политического дискурса как институциональной, культурно-обусловленной формы общения, включающей совокупность речевых произведений, исходящих от властных субъектов и влияющих на распределение власти в обществе.

Учет данных аспектов позволяет рассматривать политический дискурс с точки зрения его качественных характеристик, функциональных свойств, а также, вследствие экстраполирования текстовых категорий на дискурс в целом, предполагает возможность анализа его уровневой структуры, в рамках которой выделяются такие стратумы, как значение, содержание и смысл. Обращение к этим категориям составляет суть специфики предлагаемого подхода к исследованию политического дискурса, нацеленного на его герменевтическое описание и выявление универсальной смысловой структуры политического дискурса XX века.

Для понимания глубинного содержания политической коммуникации как одного из видов коммуникативной деятельности человека обратимся к основным положениям системомыследеятельностной методологии Г. П. Щедровицкого, в соответствии с которой главными свойствами коммуникативной деятельности вообще являются следующие:

- системность, предполагающая взаимосвязь отдельных элементов и взаимодействие участников коммуникативной деятельности, каждый из которых выполняет свою функцию в рамках этой деятельности;

- интенциональность, в соответствии с которой действия каждого из участников интеракции определяются реализацией их личностных намерений и связаны с деятельностью понимания как двустороннего процесса создания и восстановления текстовых смыслов;

- смыслообразующий характер, согласно которому результатом коммуникативной деятельности является текстовый смысл или смыслы, опредмечиваемые или распредмечиваемые соответствующими участниками коммуникации [18].

Политический дискурс, представляя собой одну из разновидностей коммуникативной деятельности, обладает и всеми основными свойствами последней, то есть он системен, интенционален и связан с двусторонним процессом понимания как опредмечивания и распредмечивания смыслов. Это означает, что детальное изучение семантической и через нее смысловой структуры политической коммуникации позволит обеспечить выход сначала на опредмеченные в конкретных текстах политического дискурса частные интенциональные смыслы, принадлежащие определенным субъектам коммуникации и впоследствии, принимая во внимание обращаемость данных текстов в едином политическом пространстве и цикличность функционируемых в данном пространстве смыслов и категорий, на систему универсальных смыслов политического дискурса как одного из субстратов единого пространства смыслов культуры.

Утверждая возможность выявления системы смыслов политического дискурса, мы следуем феноменологической традиции рассмотрения значения и смысла [8; 15; 16; 17] как различных иерархических уровней текстовой организации. Смысл при этом признается первичным и определяется как конфигурация связей и отношений между различными элементами ситуации и коммуникации, опредмечиваемая в тексте и воссоздаваемая в процессе понимания текста [18]. Смысл наделяется свойством интенциональности, но, по сравнению с относительно устойчивым значением, обладает подвижностью, текучестью и изменчивостью [7; 12; 13], то есть полагается потенциально бесконечным [1]. Неустойчивость как свойство смысла, однако, делает его зачастую трудно воспринимаемым либо предполагает возможность разнонаправленного движения при процессах опредмечивания и распределенности смыслов, что может привести к непониманию или неправильному пониманию заложенных в текстах смыслов. В этой связи, достаточно продуктивным представляется обращение к метафоризации, которая с точки зрения герменевтического подхода рассматривается как средство пробуждения рефлексии, под которой понимается процесс освоения текстовой ситуации посредством ее соотнесения с опытом предшествующей деятельности субъекта [5], на основе чего формируется новый опыт.

Весь субъективный опыт включает в себя несколько уровней, соответствующих определенным поясам мыследеятельности. Так, низший уровень - это опыт предметных представлений (пояс мыследеятельности), второй уровень - опыт действия с речевыми произведениями и текстами (пояс мысли-коммуникации) и высший уровень - опыт мыследействия в невербальных схемах и парадигмах (пояс чистого мышления) [2].

Субъективный опыт формирует содержание вонне направленного луча рефлексии и определяет фиксацию рефлексии в одном или во всех трех поясах мыследеятельности, что регламентирует выбор схемы и техник действия с текстом, определяет степень соответствия процессов понимания автора и адресата сообщения.

Метафора, по сути, есть опредмеченная рефлексия. Представляя один объект через призму другого, она преобразует опыт мыследействия субъекта в соответствии с текущей ситуацией действительности. Отсюда, говоря о понимании метафоры, мы говорим о возможности *усмотрения способа* мыследействия субъекта на основе анализа опредмеченных в тексте смысловых связей и отношений.

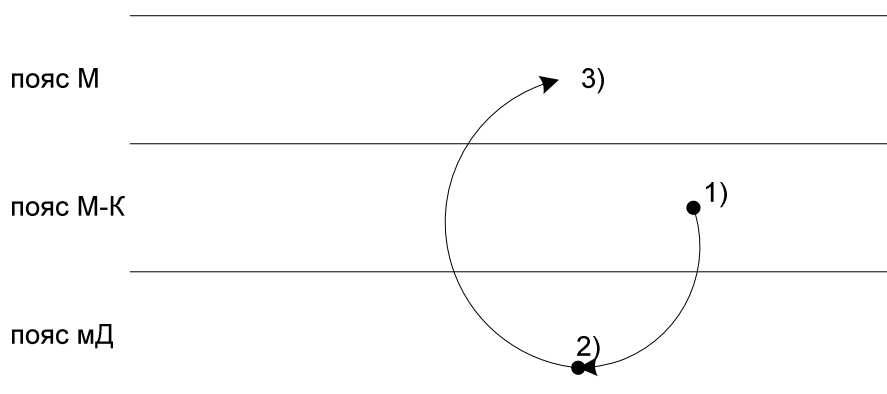
При этом метафора рассматривается в рамках герменевтического подхода как единица смысла, то есть средство смыслопостроения, относящееся, наряду с содержанием, значением и смыслом текста, к составляющим субстанциальной стороны понимания [4; 11]. Отличительной чертой метафоры как средства смыслопостроения является ее способность соединять два аспекта понимания - *процессуальный*, связанный с выбором и использованием техник понимания для усмотрения смыслов текста, и *субстанциальный* как результат действия с текстом [4]. Выступая репрезентантом смыслов в тексте, метафора, тем самым, является ипостасью смысла. Как таковая, она обнаруживает свойство служить *и средством пробуждения рефлексии* [9; 10; 11]. При этом свойством пробуждения рефлексии обладает не только метафора в классическом представлении, то есть метафора *proter*, но и другие текстовые средства непрямого номинации, объединяемые в рамках герменевтического подхода понятием *метафоризации* [Там же].

Метафоризация, таким образом, включает в себя все тропические (метафора, аналогия, символ, сравнение, эпитет, олицетворение, гипербола, метонимия, синекдоха, перифраз и др.), лексические (тавтология, синонимия, нарастание, эвфемизм, литота, оксюморон, игра слов, зевгма, ирония, аллюзия и др.), фонетические и синтаксические (эллипс, умолчание, бессоюзие, многосоюзие, обрамление, подхват и др.) средства пробуждения рефлексии [10]. Собственно метафора при этом определяется как фундаментальная фигура речи, как прототип, отдельные версии которого образуют остальные средства непрямого номинации.

Возможность отнесения перечисленных выше средств непрямого номинации к феномену метафоризации обуславливается тем, что они затрагивают те же аспекты процессов понимания, связанные с осуществлением серии рефлексивных переходов для восстановления значений, смыслов и всей ситуации создания текста продуцентом, что и метафора *proter*, а, следовательно, обладают равным с метафорой потенциалом смыслоконструирования.

Так, для выхода к субъективной реальности продуцента метафоры и усмотрения нового смысла, рефлексивная деятельность реципиента по самой простой схеме проходит несколько этапов (Рис. 1).

Во-первых, рефлексия, фиксируясь в поясе мысли-коммуникации (М-К), обращается на текст и текстовые средства. Во-вторых, происходит соотнесение этих средств с опытом мыследеятельности субъекта коммуникации, что сопряжено с переходом рефлексии в пояс мыследеятельности (мД). Сталкиваясь с невозможностью совмещения разнородных сущностей в опыте, рефлексия совершает «скачок» [18] в пояс чистого мышления, где возможно усмотрение нового метафорического смысла. Совершая такой «скачок», рефлексия, тем самым, ликвидирует пропасть, существующую между репродуктивными и продуктивными формами мышления, посредством соединения различных этапов мыследействия, связанных, соответственно, с обращением к прошлому опыту и введением его в рефлексивную реальность и преобразованием этого опыта под влиянием текстовой информации и всей ситуации действия с текстом [9]. Другими словами, «рефлексивный скачок» совпадает с моментом перехода репродуктивных действий в продуктивные, в результате чего, на основе анализа прошлого опыта и его сопоставления с ситуацией коммуникации, происходит рождение нового смысла.

Рис. 1. Схема рефлексивных ходов при понимании метафоры

Очевидно, что в процессе понимания метафоры пояс чистого мышления выступает в качестве «ядерной структуры» мыследеятельности, то есть структуры, в которую проецируется содержание двух других поясов - мД и М-К. В поясе М происходит переосмысление и переоформление результатов процессов понимания, полученных вследствие осуществления работы мысли в поясах мД и М-К. На основе такого переоформления, а также абстрагирования от остальных поясов, и совершается усмотрение сначала отдельных смыслов, а затем и целостной смысловой структуры текста.

Примечательным при этом является сам факт обеспечения метафорой фиксации и «замирания» рефлексии в поясе чистого мышления, обуславливающий его обособление и самостоятельное функционирование как «особой мыслительной деятельности по разворачиванию чистых форм мысли» [18, с. 291]. Дело в том, что именно такое состояние обособления пояса М соотносится с возможностью усмотрения не просто отдельных смыслов текста, но всей конфигурации его смысловых связей и отношений. Расставленные на всей протяженности текста метафоры, таким образом, способны как бы растягивать смысл, высвечивая и приглушая отдельные аспекты, обеспечивая смысловую целостность текста и делая возможным усмотрение ключевых смыслов.

Итак, основными предпосылками нашего анализа политической коммуникации послужили следующие моменты:

- 1) субъекты дискурса являются равноправными рефлектирующими языковыми личностями, осуществляющими деятельность по продукции и рецепции смыслов;
- 2) значение и смысл трактуются как взаимосвязанные иерархические уровни текстовой организации, отражающие интенциональные аспекты деятельности субъекта;
- 3) средства метафоризации способствуют лучшему усмотрению смыслов текста вследствие быстрого пробуждения рефлексии и запуска процессов мыследеятельности, связанных с освоением текстовой ситуации, опосредованным предшествующим опытом субъекта, обеспечивают усмотрение целостности в единичном, то есть глобального смысла в частных смысловых выражениях, а также выявление культурного компонента смысловой организации политического дискурса [6].

На основе данных положений была разработана методика анализа политического дискурса, которую можно свести к нескольким базовым положениям отражающим последовательность этапов исследования, которые, в свою очередь, определяются как этапы действия с политическим текстом:

- 1) выявление средств метафоризации и усмотрение конструируемых при помощи них смыслов вследствие обращения рефлексии на все три сферы опыта (опыта предметной деятельности, коммуникативного опыта и опыта мыследеятельности) в рамках отдельного политического текста как единичного речевого произведения;
- 2) анализ, систематизация и категоризация выявленных вследствие обращения к средствам метафоризации в рамках отдельных текстов смыслов на основе обращения к целостному корпусу политических текстов, в совокупности составляющих политический дискурс;
- 3) классификация выявленных смыслов, в соответствии с критериями их рекуррентности, значимости, способности формировать тематико-смысловые группы или выступать их участниками.

Результатом реализации данной методики на примере анализа текстов речей и публичных выступлений политических деятелей России, США и Франции за XX век, опубликованных в СМИ, официальных парламентских дайджестах, а также в сети Интернет в количестве 3110 метафорических единиц, из них 1358 - на русском языке, 931 - на английском, стало усмотрение смысловых взаимосвязей политического дискурса и выделение различных типов смыслов, соответствующих определенным уровням системной смысловой иерархии. В общем виде и в порядке следования от общего к частному смысловая организация политической коммуникации выглядит следующим образом:

- 1) глобальный смысл или смысл-основа;
- 2) культурно-смысловые доминанты;
- 3) смыслы;
- 4) подсмыслы (см. Табл. 1).

Смысл-основа «Мы-Они» - это смысловая универсалия политического дискурса, базирующаяся на архетипическом противопоставлении «Свои-Чужие» и являющаяся следствием специфики сферы функционирования политического дискурса, цель которого - осуществление борьбы за власть. Актуализация смысла «Мы-Они» и его основополагающий характер в политической коммуникации объясняется его ключевой ролью в дискурсивном отображении существующей в политической действительности полемики. В рамках политического дискурса XX века смысл-основа имплицитно присутствует практически в каждом высказывании и тексте. Например, в высказывании Г. Явлинского это противопоставление находит отражение в метафорическом представлении оппонентов, неспособных решить проблемы государства, в терминах медицины как «шоковых терапевтов» и «реаниматоров», в связи с чем государство предстает как больной организм. При этом сам автор высказывания оказывается сторонним наблюдателем, имеющим свой взгляд на проблему: *Все сострадание к боли и тяжести переживания реформ демократы отдали на откуп своим политическим оппонентам. Ельцин и Гайдар в глазах людей стали неудачливыми «шоковыми терапевтами», а Руцкой, Жириновский и Зюганов представились «реаниматорами» и утешителями обнищавших* [19].

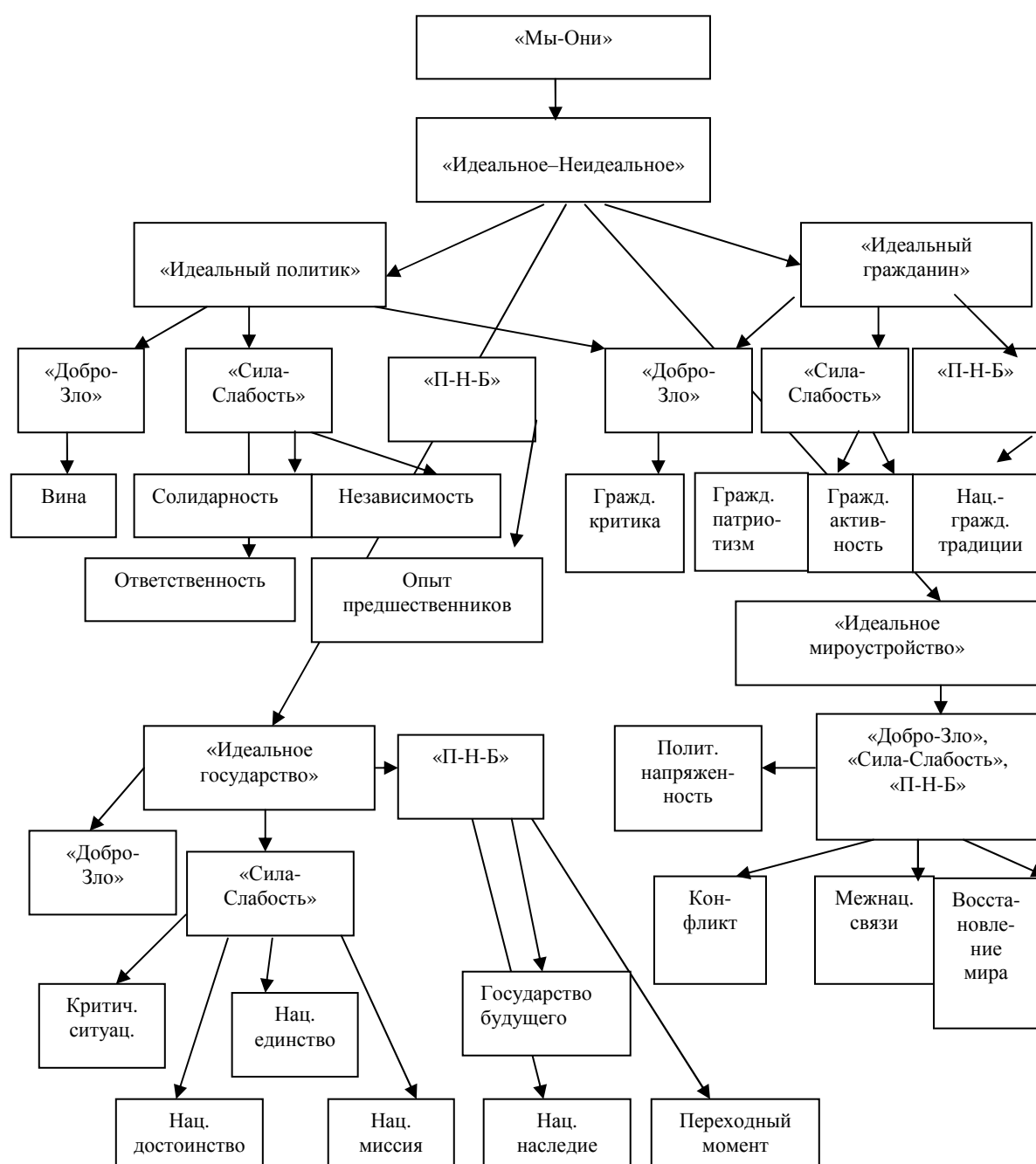
Культурно-смысловые доминанты представляют собой преобладающие в политическом дискурсе смыслы, воспроизводящие оценочные стереотипы и константы культуры, в соответствии с которыми осуществляется концептуализация политической действительности. Соответственно, культурно-смысловые доминанты определяют и специфику развертывания составляющих смысл-основу «Мы-Они» конструкторов на более низких смысловых уровнях.

Испытывая на себе влияние смысла-основы и закрепляя параметры оценки политической действительности, культурно-смысловые доминанты также строятся на оппозициях и включают такие смыслы, как «Идеальное-Неидеальное», связанный с выраженным в дискурсе целеполаганием на фоне критики современного состояния, «Сила-Слабость», также восходящий к архетипам и выражающийся в противопоставлении возможности/невозможности, способности/неспособности улучшения сложившегося порядка вещей, «Добро-Зло» или «Хорошо-Плохо», отражающий оценочность политической коммуникации, и, наконец, временной вектор «Прошлое-Настоящее-Будущее», сущность которого заключается в традиционном сопоставлении прошлого и настоящего, выставлении ориентиров на будущее, что всегда находит отражение в политической коммуникации. Примером выражения подобной оценочности в текстах политического дискурса может служить высказывание президента США Д. Д. Эйзенхауэра, являющееся частью его выступления на Генеральной Ассамблее ООН в 1953 г., в свою очередь имеющего цель убеждения мирового сообщества в миролюбивых настроениях США в период разжигания холодной войны: *My country wants to be constructive and not destructive. It wants agreements, not wars, among nations. It wants, itself, to live in freedom...* [20]. В данном высказывании, построенном на основе анафорических повторов («*It wants...*»), создающих градацию, и антитезу (*constructive - destructive, agreements - wars*), средства метафоризации служат основной цели автора путем актуализации противопоставления «Хорошо-Плохо» и, тем самым, подчеркивают понимание автором опасности сложившейся ситуации не только для всего мира, но и для его собственной страны, которая, тем самым, представляется как стремящаяся к согласию и созиданию, а не к конфликту и разрушению.

Смыслы, в свою очередь, суть варианты реализации культурно-смысловых доминант, представляющие собой устойчивые тематические направления их развертывания. Например, данную категорию с точки зрения анализа культурно-смысловой доминанты «Идеальное-Неидеальное» составляют такие смыслы, как «Идеальный политик», «Идеальный гражданин», «Идеальное государство», «Идеальное мироустройство», каждый из которых выражает представления о соответствующей категории. Так, например, в американском политическом дискурсе XX века «Идеальный гражданин» представляется в дискурсе прежде всего как человек с активной гражданской позицией. Цели подчеркнуть данную идею, опять же, как правило, служит антитеза, которая позволяет косвенно сформулировать конкретные установки, определяющие деятельность гражданина на пользу государства: *The lesson of past agony is that without the people we can do nothing; with the people we can do everything. To match the magnitude of our tasks, we need the energies of our people* [21]. Так, в данном высказывании президента Р. Никсона антитеза помогает выразить призыв к гражданам поддержать политику государства, что осуществляется за счет антонимических предлогов и местоимений (*without - with, nothing - everything*) и замыкающей высказывание метонимии (*we need the energies of our people*). Абсолютно иное восприятие «Идеального гражданина» высвечивается в советском политическом дискурсе: *Я поднимаю тост за людей простых, обычных, скромных, за «винтики», которые держат в состоянии готовности наш великий государственный механизм* [14]. Известная механистическая метафора, характерная для политического дискурса 30-40-х гг., представляет гражданина ничтожным и незащищенным перед «великой» государственной машиной.

Категорию *подсмыслов* составляют смысловые конструкторы самого низкого уровня абстракции. Максимальная приближенность подсмыслов к значению, однако, не идентифицирует их с ним, так как подсмыслы все же выявляются на основе анализа нескольких значений, поскольку присутствуют в дискурсе неявно. Если смысл-основа «Мы-Они» отражает главную цель политической коммуникации, то формирование подсмыслов, скорее, соотносится с реализацией конкретных задач субъекта политического дискурса. В рамках данного смыслового пояса можно выделить подсмыслы «Критическая ситуация», «Политическая ответственность», «Опыт прошлого», «Солидарность» и т.д. Так, например, развертывание подсмысла «Политическая ответственность» соотносится с определением в дискурсе характера взаимоотношений между властными институтами и народом. Средства метафоризации часто используются в данном случае для построения персонифицированных метафорических образов, что служит сокращению дистанции между властью и народом путем «очеловечивания» первой, следствием чего, к примеру, становится возможность объяснения ее промахов человеческой склонностью ошибаться и наделяния ее такими подлинно человеческими качествами, как способность «слышать» и «понимать» (*government will listen*): *For its part, government will listen. We will strive to listen in new ways - to the voices of quiet anguish, the voices that speak without words, the voices of the heart - to the injured voices, the anxious voices, the voices that have despaired of being heard* [20].

Таблица 1

Очевидно, что движение от наивысшего к низшим уровням смысловой организации, которому соответствует движение от цели политической коммуникации в целом к конкретным задачам субъекта дискурса, актуализирует противопоставление обязательность-факультативность представленности каждого из элементов смысловых уровней в отдельных высказываниях субъектов политического дискурса. Однако, при внимательном рассмотрении как отдельных высказываний, так и текстов политической коммуникации в целом, можно обнаружить присутствие выделенных смысловых уровней в разной конфигурации и сочетаемости в каждом высказывании и тексте как русского, так и американского политического дискурса, что позволяет говорить об универсальности и воспроизводимости выделенной иерархии смыслов в политическом дискурсе XX века.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 445 с.
2. Богин Г. И. Интерпретация текста. Тверь: Изд-во Тверского госуниверситета, 1995. 38 с.
3. Богин Г. И. Рефлексия и понимание в коммуникативной подсистеме «Человек - художественный текст» // Текст в коммуникации. М.: Ин-т яз-ния АН СССР, 1991. С. 22-40.
4. Богин Г. И. Субстанциальная сторона понимания. Тверь: Изд-во Тверского госуниверситета, 1993. 137 с.
5. Богин Г. И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986. 87 с.
6. Васильева С. Л. Функциональный аспект метафоризации в политическом дискурсе // Гуманитарные науки в контексте международного сотрудничества: материалы докладов Международной научной конференции 19-20 апреля 2005 г. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2005. С. 62-72.
7. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / пер. с нем. М.: Искусство, 1991. 367 с.
8. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологическая философия (1913). М.: Лабиринт, 1994. 180 с.
9. Крюкова Н. Ф. Метафора как средство понимания содержательности текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. 19 с.
10. Крюкова Н. Ф. Метафорика и смысловая организация текста. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. 163 с.
11. Крюкова Н. Ф. Средства метафоризации и понимание текста. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 128 с.
12. Орланди П. Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса // Квадратура смысла / под ред. П. Серно. М.: Прогресс, 1999. С. 197-224.
13. Рикер П. Герменевтика, этика, политика. М.: Academia, 1995. 159 с.
14. Сталин И. В. Обращение к народу // Известия. 1945. 10 мая. № 108.
15. Фреге Г. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. 159 с.
16. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1977. Вып. 8. С. 181-200.
17. Шпет Г. Явление и смысл: феноменология как основная наука и ее проблемы (1914). Томск: Водолей, 1996. 192 с.
18. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. культ. полит., 1995. 800 с.
19. Явлинский Г. А. Улучшить ситуацию может только смена власти // Явлинский Г. О российской политике: выступления и статьи (1994-1999). М.: ЭПИцентр, 1999. С. 84-89.
20. Eisenhower D. D. Atoms for peace. United Nations General Assembly [Электронный ресурс]: выступление на Генеральной Ассамблее ООН 8.12.1953. URL: <http://library.nstu.ru/InfoUSA/facts/speeches/rhetoric/archive.htm>
21. Nixon R. First inaugural address [Электронный ресурс]: инаугурационное обращение 20.01.1969. URL: <http://library.nstu.ru/InfoUSA/facts/speeches/rhetoric/archive.htm>

**OPPORTUNITIES OF APPLYING THE HERMENEUTIC APPROACH
AND G. P. SHCHEDROVITSKY'S THEORY OF SYSTEM-THINKING-ACTIVITY
FOR THE DESCRIPTION OF THE POLITICAL DISCOURSE OF THE XXTH CENTURY**

Svetlana Leonidovna Vasilyeva

*Department of Linguistics and Translation Theory
National Research Tomsk Polytechnic University
tutok@mail.ru*

The article is devoted to the systematic analysis of the political discourse from the positions of the hermeneutic approach and G. P. Shchedrovitsky's theory of system-thinking-activity. The author presents the technique of discourse analysis oriented at distinguishing universal sense constructs moving in the common space of the political discourse of the XXth century and forming a certain hierarchy of relations.

Key words and phrases: hermeneutics; system-thinking-activity approach; sense; metaphorization.